

К седьмым Фадеевским чтениям

ОТ РЯДОМ С МАСТЕРОМ

Из воспоминаний об Александре Фадееве

Имя его я услышал еще в школе. Мы читали и изучали «Разгром». Видел и фотографию, и портреты — красивый, подтянутый, в строгой полувоенной одежде.

Через многие годы я его увидел. Он был действительно очень красивый, роскошно одаренный талантом человек.

Покорил в Фадееве и голос — мягкий, богатый, полифонический. Бархатистый. Я любил слушать его выступления. До войны — каждый раз, как увижу Фадеева — пусть мельком — воспринимал это как событие. Приятное, хорошее.

В марте 1941 г. в клубе писателей Литинститут отмечал годовщину гибели — на войне с белофиннами — наших товарищей Н. Отрады, А. Копштейна. Я читал свои стихотворения об Отраде, начинавшиеся строкой «Мне странно знать, что я еще живу».

Смерть наших товарищей в снегах Карелии мы воспринимали, как первые сигналы грядущей трагедии. «Под пули вышло наше поколение...». Еще не представляя конкретно, каким будет наше будущее, мы чувствовали его почти вплотную. Как толчки грозы.

Михаил Луконин читал свое — ныне знаменитое — стихотворение «Николаю Отраде».

Выступали Александр Яшин, Сергей Наровчатов.

На вечере присутствовал Фадеев.

После вечера директор Литинститута Андрей Лукьянович Жучков уговорил Александра Александровича посидеть в буфете с нами, небольшой группой студентов. Идея у него была такая, давно уже шли разговоры о необходимости закрыть Литинститут. Руководство Союза писателей СССР тоже, видимо, уже склонялось к этой точке зрения. И вот Андрей Лукьянович хотел показать Фадееву «товар лицом», провести «наглядную агитацию» за институт...

За столом сидели Фадеев, Светлов. Из студентов были приглашены Александр Яшин, Михаил Луконин, Сергей Наровчатов, я, Юрий Окунев.

Андрей Лукьянович по очереди нас представлял, и мы читали свои стихи. Наши стихи

понравились Фадееву безоговорочно. Он поблагодарил нас и сказал:

— Не скрою от вас, что ваш институт мы собирались закрывать. Но, благодаря вашему директору Андрею Лукьяновичу, теперь и я всегда буду за ваш институт. Институт, где учатся такие талантливые ребята, закрывать нельзя.

На другой день весь институт и вся литературная Москва знали о нашей встрече с Фадеевым... Она сказалась коренным образом и на судьбе института, и осталась богатством, радостью, счастьем в каждом из нас, кто участвовал в этой встрече.

А наша влюбленность в Фадеева возросла еще больше.

Это было за три месяца до Великой Отечественной.

...Памятны многие другие встречи с Фадеевым — в Переделкино, в Москве. Его выступления. На всю жизнь запомнил его слова: «Кроме своей биографии, писателю писать нечем», — и он всегда призывал к активной биографии, к активной жизни, к активному творчеству. Он был человеком щедрым и широким. В делах, в ситуации, в вопрос включался мгновенно. Ему не нужно было времени «на раскачку».

Он любил писателей. Это общее мнение.

Хорошо его знавшие и долго с ним дружившие писатели Михаил Александрович Никитин, его жена — писательница Надежда Васильевна Чертова, писатель-сказочник Виктор Моисеевич Важаев и многие другие говорили мне не раз, что Фадеев влюблялся в людей, умел влюбляться в людей, у него было молодое сердце.

Он был деятельно отзывчив и чуток. Можно бы вспомнить десятки историй, когда отношение Фадеева на всю жизнь решало — в положительном ключе — судьбу того или иного писателя, той или иной книги.

Кроме того, что он сыграл огромную роль и в моей судьбе, как большая личность, как большой человек и писатель, в моей судьбе сыграл роль и как генеральный секретарь Союза писателей СССР.

В 1946 году в Челябинске издавалась моя книга. Печатались она в Магнитогорске. Я поехал туда. Ежедневно ходил в типографию. Познакомился с рабочими и работницами, с начальством и с вахтерами. Тогда я был молод, горд и самонадеян и считал, что готов в любое время «умереть на дуэли». И в книге были стихи об этом.

Тираж книги был отпечатан. Я торопил брошюровку. Нужно было двести экземпляров сдать в книготорг для того, чтобы книга считалась вышедшей. Но через несколько дней я вынужден был срочно ехать в Челябинск. Книжка моя задерживалась...

Я купил — по орденской книжке — бесплатный билет в Москву и уехал. В Москве я пришел на улицу Воровского. Записался на прием к Фадееву. Народу в приемной было много.

Сергей Васильев — наш земляк — знал о моем вопросе. И сказал:

— Я скажу Фадееву. Он вас примет.

Попал я к нему часов в восемь вечера. Он сидел усталый, красный...

Дело не пришлось ему излагать. Он уже знал о нем и, протягивая руку, сказал: «У вас творческий вопрос... давайте книгу. В четверг в 4 часа дня приходите в партком» (я был у него в понедельник).

В среду он меня увидел в коридоре Союза писателей и сказал мне, что не успел посмотреть книгу, и попросил меня прийти в субботу к трем часам в Гослитиздат, в кабинет директора.

Я пришел без пяти три. В три часа пять минут вошел Фадеев — с холода, пылуший здоровьем, силой, полным энергией. И — сразу — без предисловий:

— Книга — советская! Два стихотворения о самоубийстве — это юношеское позерство... Я дам телеграмму.

Телеграмма такая была дана, текст по памяти привожу: «Секретариат Союза писателей рассмотрел вопрос издания книги стихов Михаила Львова, издание считаем полезным кроме двух стихотворений... юношеское позерство... Подробности письмом, генеральный секретарь Фадеев».

...Письмо написал К. Симон. Он стал и редактором окончательного варианта книги, вышедшей в Челябинске в 1947 году под названием «Стихи».

Так нас поддерживали тогда старшие товарищи, работавшие вместе с Александром Фадеевым.

М. ЛЬВОВ.

НА СНИМКЕ: А. Фадеев в гостях у челябинцев.

